

Наталья КОЗЛОВА

Соцреализм: производители и потребители

Произведения социалистического реализма активно «потребляли», что бы ни писали об этом сейчас. Лично я помню затрепанные библиотечные экземпляры производственных и колхозных романов — В. Ажаева и В. Кочетова, Г. Николаевой и А. Коптяевой, П. Павленко и т. д. Люди старшего поколения свидетельствуют, как после войны в зале Библиотеки имени В. И. Ленина студенты, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, лихорадочно глотали «Далеко от Москвы» — тогдашний бестселлер. Я пытаюсь сейчас заниматься исследованием биографий советских людей по их записям, дневникам, воспоминаниям. Бросается в глаза: те, кто читал, — а пишущие воспоминания, как правило, активно читали — проглатывали все подряд, все что издавалось. «Молодость с нами» и «Журбины» В. Кочетова соседствуют с «Историей моего современника» В. Короленко. «Хуторок в степи» В. Катаева, «Сентиментальный роман» В. Пановой, «В глубоком тылу» Б. Полевого и «Далеко от Москвы» Ажаева стоят рядом с Э. М. Ремарком, А. Чеховым и И. Буниным, а «Семья и коммунизм» — с Ф. Достоевским. Классика и соцреализм на когнитивной карте читателей рядоположены. Знакомясь с кругом чтения 50—60-х годов, я как бы погружалась в мир своего детства, ибо наша домашняя библиотека эти списки воспроизводила один к одному. Я хорошо помню, как эти книги выглядели — Павленко в коричневом переплете и Николаева в сером...

Трудно, конечно, приуменьшить значение того факта, что классики соцреализма входили в школьные программы. И мальчик, писавший дневник в 70-е, и зэк 90-х, приславший письмо в журнал «Смена», самоидентифицируются через клише из романа «Как закалялась сталь». Этот роман явно принадлежал к числу прецедентных текстов советской эпохи. Прецедентными, как известно, называются тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении и имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников. В число таковых входят мифы и предания, библейские тексты, притчи, анекдоты, сказки, тексты художественной литературы, фильмы, которые можно считать ключевыми текстами эпохи¹. Диапазон распространения этих текстов неодинаков. Книги читали пусть многие, но не все, а фильмы смотрели практически все. Фильмы, что сегодня показывают по телевидению в рубрике «Киноправда?», у молодых не вызывают отвращения, а у людей старых рождают род психосоматической реакции — например при появлении на экране образа И. Сталина. Об этом свидетельствуют письма и звонки на телевидение². Надо

¹ См. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987, с. 216.

² См. Маматова Л. Фрагменты. «Искусство кино», 1993, № 8.

сказать, что тексты и имена до сих пор сохраняют прецедентность. Советская цивилизация вместе с соцреализмом стали фактом прошлого, а роман А. Иванова «Вечный зов» до сих пор продается на книжных лотках за немалую цену вместе с продуктами западного москкультула.

Культурная экология

Взгляд на социалистический реализм с историко-культурной точки зрения не позволяет свести проблему только к рассмотрению отношения «интеллигенция—власть». Необходимо учесть и другую сторону — отношения произведения и его потребителей, публики. Это подразумевает анализ соцреализма как проблемы социологической, т. е., в формулировке Ю. Лотмана, «отношения того или иного коллектива к группе текстов»³. Такое исследование может также быть названо экологическим в том смысле, что произведение изучается в контексте среды его бытования⁴. Так или иначе, есть смысл выйти за пределы узкого пространства самих текстов и литературно-критического дискурса и ввести в поле рассмотрения потребителя. Именно анализ «потребления» этих произведений за моностилистикой и моноидеологией выявляет плюрализм жизненных и культурных мотивов.

Нет сомнения, что проблема социалистического реализма во многом завязана на социально-антропологические характеристики тех, кто читал, слушал, смотрел, а значит, был сотворцом произведений соцреализма. Исследование массовых вкусов, анализ процесса чтения — ключ к пониманию советского общества, а также того, что произошло с обществом и людьми в самой широкой цивилизационной перспективе. Не следует ли тогда трактовать произведения соцреализма как источник образцов социализации, как проекцию социального желания, как средство коллективной терапии, позволяющее читателю и зрителю очертить границы социального пространства персонажей, с которыми он мог себя идентифицировать? Речь идет об образцах для групп и сообществ, о нормах и моделях коммуникации.

Итак, вопрос, кто же именно читал и смотрел, что вычитывал и выглядывал? О массе идет речь или все же о группе? Зачем читали — неужели для того, чтобы узнать, что «марксисты за отдельными фактами умеют видеть внутренние, глубинные процессы общественного развития и определить линию действия коммунистов»⁵? Для того, чтобы усладиться пассажами вроде следующего: «Разве, по-ленински анализируя жизнь, мы не обязаны взглянуть в глубь вот этих пробоин на тракторах и определить и глубинные их причины, и линию партийного действия? Инертные силы старого — достаточно ли мы учитываем их и берем в расчет при решении конкретных народнохозяйственных задач?»⁶. Не это, вероятно, делало роман Николаевой широко читаемым...

О. Давыдов сформулировал проблему следующим образом. Соцреализм обслуживает некую «совковую» сферу, неотъемлемую часть жизни советского человека. В жизнь человеческую как бы встраивается механического характера устройство, которое включается в нужные моменты и обрабатывает «совковую программу». Соцреализм как раз и работал на эту сферу, как бы отвечая на потребность в постоянном подтверждении того, что общество и человек движутся к нужной цели, хотя и преодолевают при этом бесконечные трудности. Устремленность к великой неведомой цели определяла ведущий принцип советского образа жизни, превращая жизнь в строительную площадку, в арену борьбы, а

³ Л о т м а н Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема. В кн. Лотман А. Ю. М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 3. Таллинн, 1993, с. 381.

⁴ С м. Р о з и н е р Ф. Советская литературная экология. «Общественные науки и современность», 1993, №2, с. 140—146.

⁵ Николаева Г. Битва в пути. М., 1959, с. 506.

⁶ Там же.

человека в механизм и средство достижения цели ⁷. Каким образом это происходило?

Напомним, что социальный контекст складывания социалистического реализма — процесс сталинской модернизации. Это переход массы крестьян к городскому образу жизни. Модернизация — всегда драма, драма распада традиционных образов жизни, исторически рискованный процесс. Важный аспект вхождения в модерн — переход в мир письма. Власть налагала новый символический порядок через разные виды текста. «Строительство нового» как тема модерна представляет проект писания на уровне общества в целом, стремящегося конституироваться в качестве чистого листа относительно прошлого, писать себя собой (т. е. производить себя как свою собственную систему), продуцировать новую историю, переделывать ее в соответствии с моделью прогресса.

Выше говорилось о прецедентных текстах эпохи. «Краткий курс истории ВКП(б)» выступал для «классического периода» советской эпохи в роли Писания, это — ключевая точка на когнитивной карте нескольких поколений. Этот текст был суров, не терпел разночтений и места для игры не оставлял. Соцреалистические романы были аналогами агиографий и апокрифов. Они оставляли пространство для жизненной игры в силу того, что претендовали на воспроизводство повседневности.

Бывшие крестьяне (а крестьянские предки есть у большинства советских людей) хотели жить, продолжить существование, но огромную массу людей просто перемальвало. Они тоже входили в мир письма, но это были письма власти на их теле. По отношению к ним предпочтительнее говорить не о преобразении, а о неких первичных формах превращения, об отождествлении тел. Они были лишь объектом телесных практик: их различными способами превращали, им меняли жизненный ритм, приучали к новым типам подчинения. Неподдающиеся выталкивали в пространства ниже общества: лагерь, скитания, голод и смерть. Так перемальвало прежде всего тех, кто продолжал в городе деревенское существование, кто пил, плясал, прогуливал, кто плыл по течению, тех, кто просто жил.

Нельзя не согласиться с Б. Гройсом, который говорит: «Наивна та теория, согласно которой социалистический реализм — простое отражение вкуса масс. Сами массы склонялись в область голливудских комедий, джаза, романов из красивой жизни»⁸. Да, действительно, советские люди до безумия любили Чаплина и «Большой вальс». К сказанному можно добавить, что масса продолжала творить фольклор — дворово-лагерный, — тот, который возвращается к нам в радиопередаче «В нашу гавань заходили корабли». Эти люди явно не были привержены идеологической догме, как не были привержены догме христианской. Их следует исключить из числа активных потребителей соцреалистических произведений. Они ходили в кино, но прочитывали кинотекст так же, как сказки и предания, а соцреалистических стихов и романов не читали.

Здесь речь идет о людях, которые предавались самотворчеству и сами себя нормировали. О тех, кому хотелось соответствовать образу, который представлен в романе: «Складный, лицо смуглое, глаза блестят, сам культурный, при шляпелвелюр, при сером костюмчике»⁹. Наиболее витальные из молодых людей — бывших крестьян настойчиво овладевают практикой писания и чтения, активно участвуют в языковых играх эпохи, рассчитывая на то, чтобы вступить на путь вертикальной социальной мобильности. Овладение письмом (нормативным литературным языком) и чтением — путь к обретению более высокого места на иерархической лестнице. Именно эти люди попадали в поле действия идеологических легитимирующих нарративов, разновидностью которых были и соцре-

⁷ См. Д а в ы д о в О. Сокровище, которое всегда с тобой. «Независимая газета», 19 сентября 1993.

⁸ Г р о й с Б. Утопия и обмен. Стиль Сталин. О новом. Статьи. М., 1993, с. 14.

⁹ Н и к о л а е в а Г. Битва в пути. М., 1959, с. 260.

мистические произведения. Это условие выделения из массы новой социальной группы (страты) — советского среднего класса.

Письмо и печать — род элитарной социальной технологии, ибо приобщение к ней требует весьма длительного периода обучения и значительных усилий. Те, кому удалось овладеть новым языком, — это уже не масса, это — группа, из массы выделившаяся. «Удачники» — не массовый случай. Продуктом взаимодействия языка власти и языка массы был отнюдь не только бесконечно пластичный и управляемый человек-винтик, но и «маленький человек» себе на уме, преследующий цели, отличные от декларируемых. Тех, кто сменил собой жертв 37-го, называют «поколением 38-го года». Это — становой хребет советского общества. Корпус читателей произведений соцреализма — часть социального поколения бывших крестьян, чья жизнь стала радикально меняться перед войной.

Исследователи советского общества отмечают изменение жизненных стилей именно во второй половине 30-х. Оно характеризуется как «обуржуазивание» манер, ценностей, мироотношения. Еще до войны в советской торговой рекламе символически означенные совершенно определенно крестьянин в бороде и с серпом и рабочий в кожаном фартуке с молотом «вдруг» меняются на «джентльмена» в костюме и галстуке, сидящего за столом, накрытым белой скатертью и соответственно сервированным. Официантка говорит ему: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы».

Советский средний класс возник из массы как продукт потребности общества в дифференциации, в производительном труде, в профессионализме. Он же дал обществу технократа и бюрократа, партийного чиновника. Советский чиновник не прилетел с Марса. Во многих случаях он из крестьян. Его породило само же крестьянство, он и жертва и палач. По происхождению своему он может быть сыном раскулаченного, не обязательно из бедняков и босяков¹⁰. В советских романах и фильмах у преуспевающего советского чиновника, как правило, крестьянская мать в скромном платочке. Она же фигурирует в анекдотах: «Сынок, а ты не боишься, что придут большевики и все отберут?».

Очевидно, что «класс» выделяется здесь не по «отношениям к средствам производства», но по характеристикам ментальности, культурно-ценностным и потребительским ориентациям, т. е. по антропологическому критерию. С антропологической точки зрения социальный класс не есть класс экономический, он определяется по распознаваемым уровням в социальной иерархии, на основе самоидентификации, по различию в жизненных стилях.

Стратегии власти и тактики чтения

Читатели соцреалистических романов до войны, будучи совсем молодыми, лишь формировали поле желаний, копили силы для рывка, делали этот рывок, пробуя при этом разные средства, одерживали победы и терпели неудачи. Они попадали в лагерь, они побеждали и проигрывали. Речь идет о тех, кому в годы пятилеток не только удалось остаться в живых, уйти из деревни, но и найти место в новом обществе. О тех, кто воевал и остался в живых. Их желания реализовались уже после войны, говоря точнее, после смерти Сталина, когда советские люди впервые ощутили онтологическую безопасность — важнейшее условие культивирования цивилизационных качеств.

Завороженность идеологическим дискурсом, которая так удивляет даже в сугубо личных документах советской эпохи, вряд ли объяснима вне поиска социально-прагматических аспектов таковой. «Устремленность в будущее» была органически связана с поисками места в этой, земной жизни. Жизни «здесь и теперь», которая у каждого одна.

В. Данэм, вероятно, первая обратила внимание на этот аспект проблемы

¹⁰ См. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии. «Социологические исследования», 1994, № 6.

бытования соцреалистических романов. Стремясь объяснить, почему читались эти в общем-то малоинтересные и несовершенные в художественном отношении романы, она отметила, что, с одной стороны, эти романы воплощали ценности «системы», а с другой — ценности потребителей этих романов. Потребителем был новый, только выделяющийся из массы средний класс. Данэм обращает также внимание на «культурность» как ведущую идеологему этой социальной группы. «Культурность» — программа правильного поведения на публике, тип кодирования и сигнификации связей между людьми через приобретение вещей, способ репрезентации завоеванных позиций, самообраз достойного человека. Подобно идеологической ортодоксии, это понятие — род контролирующего устройства, предписывающего нормативное поведение¹¹. В то же время «культурность» — цель, воплощение желания.

Предметы быта в соцреалистических романах витализированы, они более живы, чем ходульные персонажи. Романы воспроизводят поле желания, симптоматичный сдвиг в ценностных установках общества. Меняется представление о счастье, которое начинает ассоциироваться с домом, обретающим новое убранство. Домом, где свежий ветер надувает снежно-белые занавески. Где женщины одеты в крепдешин и крепжоржет. Мечты о процветании находили свое воплощение в «Книге о вкусной и здоровой пище», в «Энциклопедии домашнего хозяйства», в удобных квартирах, расположенных в высотных домах, где вестибюли были украшены мозаиками Дейнеки, в машинах, дачах и сберегательных книжках. Знание, «культурность» были для них не подлежащей сомнения ценностью. «Будущее светило науки! — торжественно провозгласил отец. Он относился к ученым с глубоким уважением.— Мы еще услышим о нем, дочка. И не только мы»¹². В идеальном пространстве романа происходит снятие противоположности идеологемы «светлого будущего», ради которого «всем» следовало откладывать потребление, и жизни «здесь и теперь», реального потребления («не для всех»: «каккуртно накрытый стол, серебряные кольца салфеток, румяные котлеты на блюде и тоненько нарезанный хлеб»¹³. Далеко не каждый жил в высотном доме. Большая часть этих людей населяла стандартные микрорайоны российских городов от Беломорска до Хабаровска и Петропавловска-Камчатского. Он — в пальто с каракулем, она — «с норочкой». Однако мечтать могли все... Идентификации с героями — причем не только с положительными — содействовало совпадение вех биографий героев и читателей.

Роман В. Кочетова «Журбины» принадлежал к числу самых читаемых в 50-е годы. Одному из героев отец на первую полочку покупает в универмаге бостонский костюм: «Хозяин должен и ходить по-хозяйски. Понял?»¹⁴. Хозяин — конечно же рабочий класс. Став передовиком, молодой человек получает от завода квартиру: «Алексей въехал в новую квартиру. Ему дали не комнату, а две маленькие уютные комнатки, с ванной, кухней, какими-то кладовушками и шкафами, вделанными в стены... Они натерли полы, расставили мебель по своему вкусу, прибили над окнами карнизы»¹⁵. Заводской мастер покупает автомобиль «Победа», предмет зависти окрестных мальчишек. «В заводских домах по вечерам стало слышно сквозь окна, как старательные детские пальцы выстукивают на черных и белых клавишах первые ноты песенок "Жили у бабуси два веселых гуся" и "На зеленом лугу"»¹⁶. Роман обнаруживает транзитивность героев, живущих жизнью, в которой элементы традиционные и современные составляют мозаику. Рабочие на досуге занимаются рыбалкой и выращиванием комнатных

¹¹ D u n h a m V. S. In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1977, pp. 20, 22, 28 et al.

¹² Н и к о л а е в а Г. Битва в пути, с. 143.

¹³ Там же, с. 12.

¹⁴ К о ч е т о в В. Журбины. М., 1954, с. 45.

¹⁵ Там же, с. 148—149.

¹⁶ Там же, с. 287.

лимонов. «Корабельных дел мастера проводили время в лесах, где появилось много грибов и ягод, в последний раз окучивая капусту и собирая огурцы»¹⁷.

Главным героем романа является большая семья, которая в реальной городской жизни на глазах исчезала, уже виделась архаизмом, но о которой тосковали: патриархальная семья, большак и большуха, окруженные сыновьями и невестками, внуками. В романе существование большой семьи оправдывается тем, что она «ячейка государства», большая ячейка. Семья Журбиных — воплощение большой советской семьи, дающей бывшему деревенскому человеку чувство теплоты и общности.

Так или иначе перемены происходят и в жизни, и в романе. Будничная косоворотка из холста в праздник или для похода в оперу, где большая семья слушает «Фауста», меняется на бостоновый костюм и сорочку с галстуком. А герой не совсем положительный носит «рубашки, именуемые на галантерейном языке бобочками», зеленую велюровую шляпу, португальские подтяжки и золотые часы, доставшиеся от явно непролетарских родителей.

Книги — важнейшее средство означивания и путь к обретению «культурности». Они — ключевой элемент интерьера. «У Зины была библиотека: книги размещались на небольшой этажерке, на которой нашлось место еще и зеркалу, и флаконам с духами, и школьному альбомчику в потертом бархате»¹⁸. Чтение и учеба — условие перехода в средний класс: «Книги стали его друзьями. Они раскрывали перед ним мир, огромный, трудный для познания, величественный»¹⁹. Сидение над книгами — ключевой элемент романного сюжета и ценностной системы героев. Чтение — акт ритуальный. Поколение бывших крестьян впервые использует систему образования как средство воспроизводства.

Семья воплощает силу массы. Старик-патриарх учит директора завода, напоминая ему о ценности равенства и аскетизма, о скромности вождей: «А у вождей учился?.. С чего это парикмахерша тебя в кабинете бреет?»²⁰. Стремление к культурности легитимируется революционной традицией — мифом о штурме Зимнего. «Ударил выстрел. Под пушечный гул высаживался Матвей Журбин на берег возле Николаевского моста, под винтовочный и револьверный треск швырял с мраморных лестниц остервенелых юнкеров»²¹. Но прадеды у героев были крестьянами. У читателя не было деда, штурмовавшего Зимний, но мог быть раскулаченный отец.

Чтение такого рода романов, так же как чтение вообще, играло социально-конституирующую и легитимирующую роль. Романы одновременно узаконивали выделение нового советского среднего класса из массы и подтверждали, что связь с массой не утрачена. Вообще, в культуре соцреализма «отдельные недостатки», связанные с отрывом «отдельных представителей» от массы, легко ликвидируются через прямой контакт с массой, через восстановление общности, связи личного типа. Напомним хотя бы сюжет фильма «Верные друзья», где герой-академик быстро избавляется от недостатков, порожденных отрывом от народа, восстанавливая прерванный контакт.

Следует особо подчеркнуть означившуюся роль приобщения к «высокой» культуре, к классике (в том числе и через покупку пианино). Это приобщение входило в число средств обозначения культурности как вновь приобретенного социального качества. Одна из важнейших черт соцреализма — уничтожение водораздела между «высокой» и «низкой» культурами. Бытовала устойчивая идеологема «единства культуры»²², посредством которой социалистический

¹⁷ Там же, с. 139.

¹⁸ Там же, с. 258.

¹⁹ Там же, с. 279.

²⁰ Там же, с. 173.

²¹ Там же, с. 22.

²² См. Ямпольский М. Россия: культура и субкультуры. «Общественные науки и современность», 1993, № 1; Непомнящая К. «Высокое» и «низкое» в российской и американской культурах. «Общественные науки и современность», 1992, № 5.

реализм стремился узаконить свое существование, присваивая родословную дореволюционной культуры. Неудивительно, что в круге чтения, о котором говорилось вначале, соцреализм и классика идут рядом. Гройс обращает внимание, что биографии — те, что выпускались в серии «Жизнь замечательных людей», — представляли не реальную историю, а «своего рода агиографию, ориентированную на создание дезиндивидуализированного иератического лика. Такое агиографическое описание... Гете совершенно не отличало его от Шолохова или Омара Хайяма — они все любили народ, страдали от происков реакционных сил, создавали истинно реалистическое искусство»²³. Все соцреалистические романы — агиография как образцовая биография²⁴. Прочитанные мною записи советских людей частенько о том свидетельствуют.

Приведу отрывок из дневника бывшего деревенского человека, писанного уже в возрасте 45 лет в 1951 году, — то ли воспоминания о смерти отца, написанные в соответствии с агиографическим каноном, то ли наброски текста с претензией на художественность: «В комнате собрались родственники. Мать стояла около изголовья отца с окаменелым лицом, глаза были наполнены чем-то странным... «Я скоро умру. Это я знаю и чувствую. Позовите мне сына!» — напрягая последние силы, крикнул отец... Он посмотрел испытующим взглядом на сына, который еще больше съежился под его колючим взглядом, и так в течение нескольких минут смотрел на своего сына, как будто он видел его только в первый раз. Взгляд все больше становился тяжелым, и тогда он заговорил чистым густым басом, как, бывало, говорил он, выступая на сельских сходках или на митингах солдат: «Сын мой!» — снова повторил умирающий... — «Меня скоро не будет в живых, ты останешься без отца. Некому будет поправлять тебя и твои жизненные ошибки. Ты сам должен проложить себе путь в жизнь, я не смог дать тебе достаточного образования, я не смог довести до конца твое воспитание, кто будет тебя воспитывать? Я думаю, что и образование и воспитание сможет дать тебе только наш народ. Учись у народа и не отрывайся от него. Тогда будешь человеком». Отец сорвал нательный крест и протянул сыну»²⁵.

Чем не текст средней руки соцреалистического романа? Описывая жизнь семьи, прошлое, в особенности дореволюционное, с его ошибками и заблуждениями, они подают в качестве этапа подготовки безупречного настоящего, в котором противоречия если и остались, так только «неантагонистические». Биографии героев видятся им правильными, ибо многие из них в свое время конструировали собственную биографию («исправляя», например, отца-середняка на отца-бедняка) и начинали согласно этой биографии жить. Лишь теперь, завершая свой жизненный цикл, они начинают вспоминать, как было на самом деле, но часто им этого сделать уже не удастся, ибо они в вечном заточении у своего языка.

Сопоставление соцреалистических произведений и реальных биографий (вернее, тех способов, какими авторы биографических заметок свои биографии строят) еще раз дает ощутить, что *потребление*, в нашем случае представленное чтением, не есть пассивный акт. Творческая активность обнаруживается там, где она кажется немислимой. Следует релятивизировать чрезмерную претензию, что определенный тип идеологического производства (реальный, но не единственный) создает историю. Получается, что практика чтения относительно автономна от письма как ведущего способа функционирования культуры современности. Чтение — путешествие по навязываемой системе (как путешествие по городу, где направление улиц не определено пешеходом). Чтение модифицирует объект. Текст — резервуар форм, которому читатель придает значение. Он производит комбинации с фрагментами и создает нечто неизвестное в организованном пространстве власти через бесконечную плюральность значений²⁶.

²³ Гройс Б. Указ. соч., с. 48—49.

²⁴ См. Сафронова Л. А. К истории советской агиографии. «Славяноведение», 1993, № 5, с. 12—17.

²⁵ Центр документации «Народный архив», фонд 306.

²⁶ См. об этом М. de Certeau. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, Los Angeles, London, 1988, pp. 166—169.

Читающие играют по правилам, которые не они сами придумали, играют на чужом поле. Однако, играя по правилам, налагаемым господствующим властным порядком, и не меняя этих правил, они влияют на результат игры. Слабый не может победить сильного, но он его использует. Система слишком огромна и мощна, чтобы можно было ощущать ее совершенно как свою. Она слишком опутывает, чтобы можно было ее избежать. Но именно тактики «слабых» привносят движение в эти системы, кажущиеся безжизненным пустым историческим пространством. Без этих тактик «система» вряд ли сможет существовать: ей некуда будет встраиваться, нечем питаться. Они разрушают и одновременно воспроизводят. Бросающемуся в глаза идеологическому производству соответствует другое, скрытое, производство, называемое «потреблением». Оно состоит в присвоении чужого пространства, пространства власти²⁷.

Письмо — технология власти. Но читающих нельзя рассматривать только в качестве пассивной игрушки в играх власти. Противостоя стратегиям власти, они одновременно воспроизводят ценности системы. Советский человек, участвуя в социальных играх, прекрасно знал, что играть следует по правилам. Ежели тебе надо отстоять собственный интерес — разыгрывай игру «передовой рабочий и ретроградное руководство»... Власти номинации противостоит сила, оказывающая противодействие даже тогда, когда люди «охотно участвуют». Читая длинный производственный роман, читатель вычитывает «полезное для жизни» или узнаваемое. Они с разной степенью успеха пытаются играть сами, часто не сознавая, сколь опасны партнер и сама игра, Реальность с настоятельностью диктовала как возможность игры, так и ее правила. Игроки принимали социальный мир как должное, ибо применяли к объективным структурам структуры восприятия и оценивания, продиктованные этими структурами²⁸. Некоторые из них сами стали воплощением власти.

Воистину никто не классифицирует больше, чем тот, кто сам себя классифицировал. Эти люди овладевали письмом, рассчитывая стать хозяевами, превратить себя самих в единицу значения, т. е. обрести идентичность, но они же попали в сети письма, стали именем, которое может быть распознано, прочитано и процитировано другими. Подобный языковой плен неудивителен. Эти люди обязаны языку всем: он освободил их от безмолвия и рабской зависимости, свойственной их прежнему низкому статусу, и наделял, как им казалось, культурным капиталом, который позволял перейти в новый модус существования. Этот же язык набросил новую сеть, которой сами они не ощущали. Через него они конституировались в социальное тело.

Избирательное средство

Отсутствие стиля — важная особенность соцреалистических текстов. Они кажутся написанными одной рукой, они как будто сошли с конвейера. Автор текста деперсонализован, текст — сцепление высказываний. Говоримое отдельными людьми определяется коллективной речью. Нормы этого письма лежат не в языковом поле, но в поле власти. Субъект письма отсутствует. Стиль как проявление индивидуальности подразумевает автора-субъекта, который в культуре социалистического реализма не обнаруживается. Аналогичное впечатление производят биографические записи городских жителей в первом поколении, сделавших советскую карьеру.

Д. Галковский обратил внимание на характер средней соцреалистической поэзии, который он определил как пародийно-графоманский. Приводимые им тексты на удивление напоминают стихи, которые в большом количестве попадают в письмах читателей в прессу или на радио, или же те, что М. Зощенко опубликовал в своей замечательной книге «Письма к писателю». Сходство и по

²⁷ Ibidem., pp. XI—XII.

²⁸ См. Бурдые П. Начала. М., 1994, с. 199—200.

тематике (любовь к вождям и родному государству, производственная проблематика, наивно-романтическое отношение к жизни), и по стилистике. Вот приводимое Галковским стихотворение профессионала:

«Пять букв!
Я встретил их огни живые,
 В далекий мир, как верный друг войдя,
Есть в Праге домик Ленина,
В Софии
Проспект назвали именем вождя.

Назвать бы Землю,
Целую планету,
Его прекрасным именем могли
По праву мы...
Со мной согласны в этом
Трудящиеся всей Земли».

М. Лисянский. «Именем Ленина»²⁹.

Следующее стихотворение прислано читателем Зошенко. Называется оно «Глаза»:

«И в глаза гляжу,
В глаза карие,
Словно солнце они

Сияют.
И смеются всегда
Чуть прищурясь,
И зорки далеки
Те глаза.

То глаза Ильича,
Вождя милого,
Не простые глаза,
А партийные,
Лишь буржуи одни
Ненавидят их...» .

Можно привести и образец народного творчества эпохи заката СССР. Стихи, присланные в журнал «Огонек» в 1989 году:

«Я пишу о рабочем народе
Те, что ленинским курсом живут,
Я частенько бываю на взводе
Против тех, что врагами зовут.

Они линию злую диктуют,
Создают показуху, развал.
Они ПАРТИЮ так атакуют,
Но мы выдержим весь этот шквал» и т. д., и т. п.

Кажется, что чуть-чуть подогнать язык под литературную норму, и стишок самодельный ничем не будет отличаться от профессионального произведения члена Союза писателей СССР. Нетрудно себе представить: недавно научившийся читать и писать человек со страстью неофита творит лебядкинскую поэзию, как

²⁹ Цит. по: Г а л к о в с к и й Д. Поэзия советская. «Новый мир», 1992, № 5.

³⁰ З о щ е н к о М. Уважаемые граждане. М.. 1991, с. 387—389.

«пролетарский элемент» заканчивает рабфак, потом Литинститут и становится профессиональным советским поэтом или прозаиком, который пишет не своим языком, а языком власти.

Многие авторы соцреалистических произведений были такими же «свежими», недавно вышедшими из низов людьми, как и их читатели. (Понятно, что речь не идет здесь о людях вроде Алексея Толстого!) И те и другие недавно покинули крестьянскую или мещанскую среду, недавно вошли в мир письма и печати. Сходство биографий читателей и писателей также обращает на себя внимание. Писатель выступает в роли своеобразного «эксперта модернизации» — как образец успешной и в принципе достижимой карьеры. Вот, например, запись из дневника совсем молодого человека, которая датируется 1932 годом: «Инженер — это высшая форма человеческой учебы... Эта мысль непокидала меня до 1932 года... После реконструкции моей жизни и обстановок филантропическое слово инженер начало угасать. Его вытеснило слово писатель»³¹. Инженер и писатель — равнозначимые образцы карьеры. И соцреалистические «авторы», и те, кто хотел сделать советскую карьеру и для этого активно учился новому языку, кто в конце концов достиг своей цели, владеют языковой нормой, но сами нормотворчеством заниматься не в состоянии. Не могут быть языкотворцами: и наивность утратили, и играть языком еще не могут... Да, вероятно, и не ощущают потребности в этом, ибо писание для них — не столько работа со словом, сколько возможность карьеры: машина, дача в Переделкино...

В дневниках 20—30-х годов М. Пришвин обращал внимание на поражающее различие образного языка старых крестьян и «волапука» молодежи. Этот «волапук» был стадией овладения нормативным языком, стадией, на которой многие остановились. Читатель также свеж и бессубъектен. Жизненный и идеальный планы здесь взаимозаменяемы. Естественная установка распространяется на «вещественно-телесный», «соблазняющий» план произведений социалистического реализма и на «идеологическую программу», в нем заложенную. Тем самым эта программа («машинка», по О. Давыдову) встраивается в жизнь, в читательское тело — она инкорпорируется. Соответственно, новый читатель мог и не дифференцировать соцреалистический и классический романы. Этот читатель только недавно выделился из массы, как из пены морской.

Обратившись к статье о М. Лисянском в энциклопедии, тут же обнаруживаем подтверждение своей гипотезы. В 1934 году Лисянский закончил Московский институт журналистики, в 1938 году вступил в партию. Он явно принадлежал к поколению победителей «игр в слова», к поколению 1938 года, о котором идет речь в этой статье³². В том же можно убедиться, обратившись к статьям о Кочетове, Николаевой и пр., хотя каждая жизненная траектория индивидуальна. «Авторы» — самодельные и профессиональные — были разными людьми. Одни представляли старый тип русского мечтателя, пересаженного на советскую почву, из тех, кто снимал иконы и на их место вешал портреты К. Маркса и Р. Люксембург, а по праздникам, одевшись в чистое, читал Энциклопедический словарь. Другие — прагматики, одержимые торопливым желанием хорошо пожить в этом мире, а потому «зачуявшие» целесообразность участия в новых советских словесных играх. Профессиональные авторы уже приобщились к очередной волне русского просвещения, к вере в рациональное переустройство мира, человека и его сознания. Публика — более архаична, архетипична. Часто она овладевает новым языком как магической отмычкой реальности.

Социалистический реализм — культура одного-двух поколений. Это — эпифеномен сталинской модернизации. Те, кому удалось вступить на путь вертикальной социальной мобильности, всю жизнь отрешивались от своего, деревенского главного образом, прошлого, стараясь не напоминать о нем слишком часто даже самим себе. Лишь в любви к деревенским поэтам — М. Кольцову,

³¹ ЦДНА, фонд 30, оп. 1, ед. хр. П. Цит. с сохранением орфографии.

³² См. Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1967, с. 218.

И. Никитину, а более всего к С. Есенину (творчество которого не было социально одобряемым) — они проговаривались. Они читали соцреалистические романы, собирали домашние библиотеки. Только на старости лет они начинают вспоминать. Тогда же они перестают читать соцреалистические романы и обращаются к появившейся неспроста и в нужный исторический момент деревенской прозе.

Поэт Д. Самойлов весьма жестко заметил в дневнике: «„Деревенская проза“ — литература полугорожан, победивших и пришедших к власти. Оказалось, что вся революция свершалась ради этой победы. Деревенщики подспудно это понимают, и поэтому редкие из них революцию и все ее последствия бранят. Они пишут свою историю, т. е. историю своего восхождения. Деревенское детство, его скудость, его беды с достигнутых вершин кажутся законным истоком, а нынешнее положение как бы заслуженной наградой. Никакого другого понимания им не нужно. Деревенская ностальгия — масонский знак победивших полугорожан. Внутри этого законная гордость. „Бона — кем мы были, и эвона — кем стали“»³³. Но стоит ли проявлять такую жесткость? История свершилась, нечто произошло.

* * *

Сказанное о социально дифференцирующей функции социалистического реализма — лишь гипотеза. Так или иначе вписать соцреализм в культурно-исторический контекст — значит задать вопросы, которые не совсем вписываются и в старые, и в новые идеологии. Но отвечать на них нужно, если, конечно, желаешь уважать собственную историю во всей ее сложности, превратить ее из пустого места в поле идентификации.

³³ Самойлов Д. Общий дневник. «Искусство кино», 1992, № 5, с. 108.